

Максим Урманцев

Петербургский прозаик. Пришел в писательство после тридцати лет в бизнесе. Создал типографию в начале 90-х с «нуля» и вырос до одной из самых известных в стране. Начав с издательства, перешел к литературной деятельности. Пишет рассказы, повести, эссе. Излюбленный творческий метод — магический реализм. Любимая тема — события на переломе жизни, причины которых нельзя объяснить простыми причинно-следственными связями. Самое крупное произведение — роман «Кто играет в кости со Вселенной?» в жанре фьюжен, о везении в бизнесе и жизни.

Постой, паровоз!

Шел четвертый день круиза. Погода радовала. Корму верхней палубы за рубкой облюбовали картежники. За большим столиком разухабисто играли в покер: с гоготом, сальными шутками, швырянием денег. Порывы ветра разметали купюры по палубе.

— Может, перейдем в кают-компанию? — Игорь Валентинович надел тренировочный костюм и застегнул молнию до самого кадыка. Высокое жилистое тело, редкие здоровые реплики — воплощение женской мечты о «крепком плече».

— Да ладно, Игорь. Оставь безобидных скоморохов. Не трогают — и уже чудненько. Пятьдесят рублей проиграл, пятьдесят выиграл — какая к черту разница. Они — апологеты стиля «бом-бом», — Юлий Борисович приятным баритоном задал миролюбивый настрой. — Позавидуй им. Гребут радость, пока жизнь дает возможность. А нам не подобает судить — мы выше. Можем, вот, попить боржома.

— Грести радость? Интересно! А нам — это кому? Высшей касте? Рыцарям зеленого сукна? — не без сарказма заметил Семен Аркадьевич.

Он не стремился стать душой компании — скорее, его коробили попытки Юлия Борисовича обозначить себя неформальным лидером. Семен Аркадьевич не мог дать себе точный отчет, что его раздражает в этом толстячке. Постоянное самохвальство? Плохо скрываемое высокомерие? Вздернутый подбородок? Опыт подсказывал, что такие типажи нередко жульничают. Но за три дня пути Юлий в шулерстве замечен не был. Скорее, Семена нервировал пусть и небольшой, но постоянный проигрыш в преферанс.

— О! «Рыцари зеленого сукна»! Звучит! Ты, Семен, считай, повесил нам на грудь по ордену почетного легиона, — Юлий Борисович сделал вид, что не заметил подколки. — Без азарта нет битвы. Нет победы. Вот у меня был случай в Одессе. Дело пустячное, но показательное. Вложил трояк, а на выходе...

— Это будет притча? — перебил рассказчика Александр, самый молодой в компании. — Или длинная новелла? Будем прерывать игру?

Юлий Борисович сжал губы, дернул подбородком и придвинулся к столу. Игорь Валентинович укоризненно глянул на младшего партнера. Семен Аркадьевич, не скрывая улыбки, повернул голову, якобы увидел что-то интересное на реке.

Александр выбивался из четверки преферансистов не только тем, что годился остальным в сыновья. Его выделяли вычурная патриархальная бородака «а la russe», стрижка полубокс и глаза навывкате. Он мог ляпнуть откровенную глупость, вызывающую оторопь, а следом выдать глубокую мысль, которой позавидуют и «мудрецы». То по-детски расстроится, что карточный бог не сдал всю масть в его руки, то обнаружит глубокое понимание преферанса. Старшее поколение оказалось в двояком положении: то ли удивляться самим себе — как можно было пригласить такого бестактного юнца в компанию, то ли радоваться, что есть благодарный слушатель. Определенно, его взяли в игру за готовность жадно внимать нравоучениям «отцов». Во взгляде Александра считывалось: любые байки, которыми делились «менторы», для него — долгожданный паек голодному ребенку, которого судьба не балует вкусными событиями.

Фарватер Волги повернул к северу, тень от рубки ушла в сторону, ярко блеснула на солнце лысина Юлия Борисовича. Он посмотрел на небо, вытащил платок из кармана и повязал на голову.

— Эх, панамка в каюте осталась. Фирмы «Стетсон». Не хухры-мухры. Но идти лень. Сдавай, Сеня — твоя очередь.

— Так что в Одессе? Получил такой барыш, что купил всем детям по квартире? Или ограничился панамкой «Стетсон»? — Семен Аркадьевич вернул разговор в старое русло, перетасовывая колоду.

Юлий Борисович не ответил и сильнее жжал живот в край стола.

По очереди один из участников сдавал по десять карт партнерам, а сам пропускал игру. Роль отдыхающего наблюдателя Семену Аркадьевичу нравилась: можно расслабиться. Он сложил крестиком две карты прикупа и отвалился на спинку кресла. Волжскими берегами можно любоваться и когда солнце в зените, и при закате: поля подсолнухов, камыш, луговое разнотравье.

По трансляции объявили, что по правому борту лайнер проходит Плес. Семена Аркадьевича передернуло. Он отпил боржома из стакана. Самое время подумать о своих печалях.

Три месяца на работе плотно сидел над отчетом: нельзя сорвать срок, а смежники задержали материалы. Собственно, ничего нового — кому, как ни ему, выручать всех? Отчет будет вовремя — отдел получит грант на следующий год. Задача ясная, он справился, начальник похвалил. Если бы еще само исследование доставляло удовольствие. И не так уставать... И по ночам не хрустело бы в шее. Да все это накипь — можно очистить. Вот что глубоко проржавело, так это отношения с Соней! Какая вожжа куда попала? Почему вспылел? Она выказала равнодушие к его проблемам? Не поняла, что устал?

А началось с мелочи. Он предложил за ужином выпить шампанского, произнес тост: «За нас», а она отставила фужер. Пошли вопросы — что да почему, а потом уже не сдерживаясь, он бросил обвинения. И получил обидное: «Сварили мы с тобой кашу, Сеня, из топора». Уже не помнит, что кричал. Тут компромисс бы найти, но старое корыто электросваркой не залатаешь... Вот и Игорь, психолог, говорит, что компромисс — поражение, он никого не устроит, а только загонит обиду глубже. Надо искать корневую причину. Но где ее искать? Да и стоит ли? Проржавело, так проржавело. Только опять не он принимает решение, а за него. Эх!

Вдруг наткнулся на рекламу: «Речной круиз — лучший лекарь». Судьба дает подсказку. И сразу в интернете горящая путевка нашлась. По Волге. На неделю. Одноместная каюта. Собрал чемодан и уехал, не прощавшись.

В первый же вечер в баре прицепился попутчик: втянул в разговор, пригласил расписать пульку. Игра на деньги портит настроение, но Юлий Борисович так обаятельно настаивал: «Главное — общение, его не купишь, а мы тут, на теплоходе, все как родственники!» Вот и Игорь Валентинович подтянулся, он психоаналитик. Семену Аркадьевичу новые знакомые поначалу приглянулись: предпенсионный возраст, разговоры — с претензией на интеллектуальные дебаты. И Саша пришелся ко столу. Юлий Борисович, надо отдать должное, умело создал иллюзию уюта за игральным сукном — через пару часов все общались на «ты».

А что с Соней? Думать, о том, как он вернется, а она встретит его обиженная, сумрачная, было тошно. Приелись они друг другу — такое сплошь и рядом. Сама виновата. Отрезаем — и баста!

Пока Семен Аркадьевич углублялся в свою меланхолию, за столиком разгоралась интрига. Глаза Александра блестели: значит, достались хорошие карты. На контрасте «мудрецы» степенно расправляли между пальцами веера карт, со смаком компоновали по мастям. Игорь Валентинович якобы расстроился, демонстративно наморщив лоб. Юлий Борисович якобы удивился, вытянув губы уточкой.

— А я рискну. Мизер! — словно пропел он и лукаво улыбнулся.

— Ты уверен? — Игорь Валентинович жестко взглянул соседу в глаза.

Он не любил и не ценил риск ради риска. Блеф — сродни анархии. А преферанс — порядок, свод правил. Игорь в жизни избегал случайных женщин, необязательных партнеров, карточную игру на щербатых грязных поверхностях. С собой на пульку приносил скатерть зеленого цвета, заменяющую традиционное сукно. Партнеры не возражали: почему бы не украсить стол? После игры Игорь Валентинович отчищал скатерть от мусора и гладил.

— Когда-то надо же сыграть по-крупному. Не согласны? Игорь, ты же психиатр. Ты должен меня понять. Флуктуации в душе. Брожение зеркальных нейронов. Или как там у вас? С чувственной точки зрения.

— Я пас. Только хочу заметить, что Гай Юлий Цезарь не раз лез на рожон и пять раз терпел поражение. И к тому же я не психиатр, и не психоаналитик! Я — психолог! Ученый!

Игорь Валентинович после защиты докторской позволял себе делать нравоучения и взрослым людям. Знал за собой менторский тон, иногда приводящий к ссорам, но не всегда мог удержаться. Тем более, что Юлий Борисович наступил на больную мозоль. Врачебная практика у Игоря Валентиновича не задалась: клиенты оставались недовольны. Пришлось уйти в науку, а коллеги за глаза, он это знал, обзывали его «схолостом».

— Жаль! Хорошая карта пришла! Но нет «десяти на руках». Вас не перебить, — глаза Александра медленно потухли, как софиты после концерта. — Пас! Играйте!

— Игра ва-банк у нашего новоявленного императора? — Семен Аркадьевич поддержал шутку, хотя и удивился: до этого момента Игорь Валентинович не позволял себе иронии в разговоре. — Интрига перед пивной паузой! Держи, азартный ты наш! Если, господа, с таким подарком не пристегнете Цезарю паровоз, то придется признаться в творческом бессилии и сворачивать удочки.

Игроки наклонились над прикупом. Десять секунд общего молчания. Юлий Борисович вскинул одну бровь, смахнул рукой пот с переносицы,

криво улыбнулся и присоединил прикуп к вееру. Все в упор посмотрели на его зрочки. Скрыть эмоции в картах — половина успеха.

— Как артист артисту могу сказать «браво!». При таком рояле в кустах можно и расплакаться. Но нет, демонстрируешь мимику победителя. Мотайте на ус, Саша, как прятать движения глаз. — Семен Аркадьевич опять отвалился на спинку кресла.

— Да, учусь. — Александр кивнул головой. — Вы, Юлий Борисович, как будто знали, что будете играть мизер — не пошли за панамкой.

Игорь Валентинович укоризненно покачал головой. Юлий Борисович вдруг привстал, якобы увидев что-то важное за бортом лайнера — все инстинктивно повернули голову в том направлении. В этот момент он рывком скинул две лишние карты — никто не заметил, с какой части веера.

— Блин, опять трюк! Ох, лиса! — Игорь Валентинович расстроился, что повелся на хитрость, но быстро собрался.

Теплоход сделал очередной поворот. Тень вернулась на палубу. Юлий Борисович стащил с головы платок, обтер лицо и с беззаботным видом замурыкал:

— «Постой паровоз, не стучите, вагоны...»

— Колеса. Не вагоны, — поправил Семен Аркадьевич.

— Что?

— Колеса стучат, а не вагоны.

— Да-да, колеса. «Есть время взглянуть судьбе в глаза...»

Александр и Игорь Валентинович напряженно нависли над разложенными картами. По палубе прошла миниатюрная женщина. Семен Аркадьевич уже заметил ее раньше — фигура похожа на Сонину. И книгу под мышкой держит так же. Побежали картинки: познакомиться, закрутить небольшой курортный роман, выбить клин клином. Или просто поговорить о наблевшем — говорят, женщины иногда могут дать мудрый совет в душевных делах. Только с чего начать разговор?

Эх, что за топор попал в их с Соней чан с кашей? Их сожителство выглядело благопристойно. И началось легко. Оба в разводе, у обоих выросшие сыновья, можно сказать, начали второй тайм при счете один-один. Полный паритет. И характеры, и взгляд на мир схожие. Да, он не предложил расписаться. Но причина в другом. Страсть ушла в прошлое, конечно, но ровное, сильное чувство осталось. Бессмысленно отрицать, что последние годы — уже не те, первые, когда дорожили каждой минутой, проведенной вместе. Почему она к нему охладела? Один раз спросил: «Что-то случилось?» Она промолчала, как будто не расслышала. А он не повторил вопроса. Значит, живет с ним ради жилплощади, удобств жизни, но не хочет признаться. Стоп! Игорь правильно пред-

упредил — удержаться от обвинений! Но тогда не найти причины и следствия, ложную корневую посылку. Хорошо Игорю рассуждать: он ученый. А Семен знал за собой, что принимает решения или под давлением, или импульсивно. Бывает, угадывает правильный ход, но не всегда. Опять положиться на свою интуицию? Но когда-то же надо научиться рассчитывать ходы! Вот в пульку умеет считать. С чего начинают ученые? Стартовая площадка — описание ситуации. Конфликт с Соней протекал в скрытой форме уже давно, но только сейчас прорвался наружу. Его не все устраивало: то забывала про его просьбы, то избегала совместных прогулок. И накопилось. Не проговорил с ней, когда заметил ржавчину. И она молчит.

Покеристы на соседнем столике что-то не поделили, кто-то взорвался бранью, шумно задвигались стулья.

— Ой, чуть карты не рассыпал. Кричат под руку, мешают думать, — недовольно проговорил Александр.

— Не скатывайтесь к обвинениям! — пробубнил Семен Аркадьевич скорее себе, чем молодому партнеру.

— Даже жалко, что они сворачивают удочки: бодрящий бриз долетал, — Юлий Борисович перестал мурлыкать.

— А у императора-то проблемы... — с явным удовольствием пропел Игорь Валентинович, расправив плечи. — Он мог скинуть короля и валета бубен, а мог — того же короля и даму червей. Так. Кто ходит? Я хожу. Это хорошо. Предлагаю проверить бубны.

Александр промолчал. Игорь Валентинович сделал ход. Юлий Борисович положил валета.

— А-а-а! Понятно. Значит, он снес короля и даму. Давайте, Саша, прокатим его на девятке бубен. Не сразу, а опосля, — цокнул языком Игорь Валентинович. — Паровоз так паровоз!

Выбрав все «свои» взятки, игроки положили восьмерку бубен и ждали, что любитель мизера возьмет девяткой восьмерку. А он положил на столик даму червей. Игорь Валентинович ощутил в гортани противный желчный вкус.

— Борисыч, ты снес девятку и короля бубей?

— Да, Игорек. Так что теперь все взятки — ваши. А у меня — чисто!

Юлий Борисович подпрыгнул на кресле и захохотал, отвалившись от стола на спинку кресла: все увидели широкую полосу пота на рубашке.

— Блестяще! Блефанул, так блефанул! Но все-таки очко у нашего Цезаря играло: вон как потел. — Семен Аркадьевич заплодировал. — Саша, учитесь, учитесь!

Солнце зашло за тучу, поднялся ветер. Александр успел прижать рукой листок с записью пульки. Закрапал дождь. Вдалеке грянул гром.

— Это знак! Пора сворачиваться, — подытожил Игорь Валентинович.

— А что ты, Игорь, какой-то вялый? Вчера — азартный Парамон, а сегодня... — Юлий Борисович, довольно улыбаясь, любовно поглаживал подбородок. — Только-только приходит кураж. Может, еще кружок?

— Я бы предпочел перенести на завтра.

— Кажется, вам, рыцарям зеленого сукна, надо отыгаться. Сеня! Особенно тебе.

— Это у тебя кураж. Хочешь еще выиграть? Не заставляй нас думать о тебе плохо.

— Что значит «плохо»? — оживился Александр. — Мы подозреваем Юлия Борисовича в жульничестве?

— Вот именно! Что ты имеешь в виду, Игорь? — Юлий Борисович перестал смеяться.

— Извини, я ничего такого не имел.

— Нет, ты что-то имел...

— О-о! Ладно, не будем нагнетать. Дождь сейчас зарядит не детский! И червячок требует, чтобы его заморили. Да и завершить пульку после триумфа Цезаря разумно. Игорь, думаю, никто лучше тебя не посчитает, кто кому должен. Друзья, не возражаете против здравомыслия доктора наук? — Семен Аркадьевич попытался спустить назревавший конфликт на тормозах.

Не хватало еще скандала. Хотя он, как и Игорь, не сомневался, что Юлий Борисович дурит других. Но опять — никаких внешних признаков шулерства.

Игорь Валентинович взял листик с записями, вытащил очки из нагрудного кармана. С соседнего столика ушли последние покеристы. Откуда-то выбежали мальчишки и стали подбирать упавшие на палубу купюры.

— Как наши соседи сорят деньгами! Неудобно даже! — Юлий Борисович презрительно посмотрел на ползающих ребят.

За бортом сновали туда-сюда моторные лодки, поля сменились перелесками, по берегам виднелись полуразрушенные избы. Теплоход приближался к населенному пункту. Преферансисты встали и пошли вниз. Игорь Валентинович задержался, чтобы провести полный расчет. К нему подошел Александр.

— Вы так азартно играли вчера, а сегодня нет. Почему?

— Зачем тебе знать?

— Мне это важно.

— Не сбивай меня. Ошибусь — Цезарь мне не простит. — Игорь Валентинович обвел карандашом суммы выигрышей и проигрышей, сложил скатерть в пакет и только после этого поднял глаза на собеседника. — Зачем, Саша, тебе это знать?

— Почему одни все время выигрывают, жируют, а другие топчутся на месте?

— А-а-а, Саша, ищешь место, где спрятан выигрышный билет? Все просто. Расчет. Если «гора» растет — значит, голова хорошо варит сегодня — жму на полную. А если карта не идет, или партнеры гнилые — спускаю на вистах.

— Пошли уже — дождь набирает силу, — подошедший Семен Аркадьевич силой утащил собеседников с палубы.

В баре было людно, покеристы уже успели помириться и гомонили на весь бар. Юлий Борисович занял стол у окна, взял для всей компании по кружке пива, заказал легкие закуски. Александр принес недостающее четвертое кресло.

— А вдруг не везет, не везет, а потом — хрясь, и пойдет масть? Чего садиться за столик, если не рассчитывать на фарт? — Семен Аркадьевич продолжил разговор. — Ведь можно переломить плохую тенденцию.

— Белая полоса, черная полоса. Сомнительно. Есть время собирать камни, а есть другие времена. — Игорь Валентинович расстегнул молнию костюма полностью. — Надо держаться своего — он не подведет.

— Кто не подведет? — переспросил Александр.

— Стиль. Метаться не надо. Это залог побед в марафоне. Вот ты, Саша, начни вести дневник. Педантично. И все поймешь.

— Долго вести?

— Лет десять.

— Десять лет? — протянул Александр осевшим голосом. — Ох, сколько мне будет тогда? А деньги будут утекать в другой карман.

— Деньги — это сила! Не слушай этих лентяев. Рви у жизни свое смолоду. Жизнь — игра! Вот посмотри на коллег, — Юлий Борисович махнул в сторону покеристов. — У них куры не клюют!

— Игра? Стыдно учить такому молодежь! — Игорь Валентинович поставил с силой кружку на стол. — Жизнь — это серьезно! Это пахота!

— Игра — это прекрасно! Всегда можно расставить изначальную позицию. А то и взять ход назад. И в жизни так можно, — Юлий Борисович задумался. — Не всегда, конечно.

— Наш юный друг, Игорь прав: можешь просчитать наперед — конечно, считай, — миролюбиво подхватил Семен Аркадьевич. — Но удача — наш компас земной. Могу рассказать историю. Личную. Из детства.

Игорь Валентинович укоризненно посмотрел на приятеля. Давеча после разговора тет-а-тет ему показалось, что именно между ними двоими зарождается настоящая дружба. У обоих картина жизни покрылась темными полутонами. Это сблизило. Обменялись советами, которые обычно сложно претворить в практику. И вдруг Семен Аркадьевич пу-

блично поддерживает неприятного оппонента, который может взять ход назад.

— Только сначала давайте подберем итог, — Игорь Валентинович показал листок с обведенными в кружок цифрами. — Сегодня выиграл Юлий. Все ему должны. Вот, смотрите.

— Недурственно, но и для вас не смертельно? — Юлий Борисович оторвался от пива, широко ощерив зубы.

— Но и не так, чтобы сущая мелочь.

Все достали кошельки, отсчитали суммы. Заказали еще по кружке пива, теперь каждый платил за себя. По похабным анекдотам, которые громко рассказывали покеристы, стало понятно, что они уже успели перейти к более крепким напиткам.

— Вот у коллег все предсказуемо и постоянно. Каждый вечер вискарь и пошлые байки. Так расскажи, Сеня, что за история детства? Что-то новенькое. Ты нас не баловал рассказами о себе, — Юлий Борисович разложил купюры по номиналу, любовно разгладил и спрятал в портмоне.

«Сегодня у Цезаря самый крутой улов за три дня пути», — отметил про себя Семен Аркадьевич.

— История длинная. Готовы слушать?

— Таки да, Сеня. До ужина еще времени вагон.

Все подвинули стулья ближе к столику. Семен Аркадьевич обвел компанию взглядом. Он спросил себя: почему именно здесь, именно этим неблизким людям он собирается рассказать сокровенное? Даже Соня не знала этой истории.

— Тысяча девятьсот пятьдесят пятый год. Мой дед — главный конструктор в одном, как тогда говорили, почтовом ящике. Один из участников уранового советского проекта. Человек, по тем меркам, состоятельный. Мог позволить взять путевку на лайнер по Волге. И вся семья — мои будущие дед, бабушка и их дочь Тамара — отправилась в круиз. Как вот мы с вами. Моя бабушка, а ей тогда пошел, э-э-э, шестой десяток... даже не представить! ей было столько, сколько нам сейчас! а в памяти осталась древней старушкой... М-да. Так вот. «Тамара, хватит слоняться по палубе, пора заняться рисованием!» — скомандовала она. — Семен Аркадьевич довольно натурально изобразил интонацию пожилой властной женщины.

«Мы проплываем Плес. Здесь творил Левитан. Посмотри, какие красивые холмы! Надо сделать зарисовку. Вон, видишь, там еще и церкви показались...»

Дочка принесла из каюты альбомчик и краски. Но как только бабушка ушла отдохнуть в каюту, Тамара закрыла альбомчик и отправилась искать отца.

Дед был весельчаком, любил жить широко, баловать себя и домочадцев. Найти его на теплоходе было несложно: на корме верхней палубы он «расписывал пульку» в солидной компании. Как, собственно, и мы сегодня. Второе совпадение. Тамара примостилась за спиной. Когда-то дед обучил ее правилам преферанса, она не первый раз наблюдала за игрой.

Вдруг, а такое бывало нередко, бабушка проснулась и жестким, тихим голосом позвала деда в каюту. Он не мог послушаться, но и «разбить» пульку не комильфо. Дед нашел выход в своей манере: лучше пожертвовать деньгами, чем приличиями.

«Я отлучусь ненадолго. Дочка сядет за меня!» — сказал он компаньонам с извиняющейся улыбкой.

«А она умеет?» — «Моя ученица!» — «И ты заплатишь, если проиграет?» — «Она проиграет не больше моего!»

И случилось неожиданное: Тамара не только не опозорилась, но даже прилично выиграла. Новичкам везет — такое случается. Когда дед вернулся, он увидел, что экспромт с заменой игрока сработал на славу.

Солидные компаньоны завелись не на шутку, захотели отыграться у девчонки и попросили деда побродить по палубе. Но опять судьба — индейка: Тамаре шла карта. Намечался крупный проигрыш. Игрокам грозило попадание в неловкую ситуацию. Сославшись на накрапывающий дождь, дед предложил перенести пульку на следующий день. Как, собственно, и у нас с вами. Но ни в следующий, ни в другой день до конца круиза компания так и не собралась больше за зеленым сукном.

Стрелки на историческом циферблате отсчитывали года. Тамара вышла замуж, и я должен был появиться на свет. Но возникла заминка. Мне по наследству досталась отцовская группа крови — не только редкая, но и конфликтующая с материнской...

Семен Аркадьевич отглотнул пива.

— Давай, не останавливайся, слушаем внимательно, — подбодрил Игорь Валентинович.

Семен Аркадьевич продолжил:

— Моя кровь бунтовала против материнской. В утробе. Поэтому я все девять месяцев усиленно разруливал борьбу антител. И, слава providению, дотянул до дня рождения. Когда все-таки появился на свет, то выглядел нежилецом. Врачи в роддоме растерялись: какой ставить диагноз, что делать? В учебники советской медицины такой случай еще не попал. Взять на себя ответственность за радикальные методы никто не решался. Мама была в обморочном состоянии. Да и дома расклад был не в мою пользу: бабушка со сломанной ногой, папа — в отъезде. Все сложные семейные ситуации, как правило, разруливал дед. Правда, и

он в тот момент сплеховал: лежал после очередного инфаркта. Но кто, если не он? Пришлось ему встать с кровати, брать такси и выдвигаться в роддом.

— Прямо с недолеченным инфарктом? — переспросил Александр.

— Да, именно так! Я же говорил: дед играл по жизни. Весело и с большими ставками. В прикупе лежала жизнь внука, а проиграть он мог свою. Такой человек! Когда он приехал в роддом, то сразу пробился к главврачу: «Вы будете что-то делать?»

«Нужно полное переливание крови. Но могут быть последствия. Это такая ответственность», — мямлил главврач.

«Я беру ответственность на себя!» — рыкнул дед. «Вы — не медик. Я не могу вам передать право на решение». — «Кто в городе для вас будет авторитет?» — «Есть профессор Тур. Есть известный педиатр Комолов. Еще — Абесгауз». — «Где их можно сегодня найти?» — «Не знаю. Попробуйте в Центральной детской клинике. Там, может, подскажут домашние адреса. Они еще в институтах читают лекции».

Дед на такси рванул по адресам. Везде неудача. Оказалось, что Тур в отъезде, Комолов на операции... А где Абесгауз? Время неумолимо утекало. Настал вечер. Последний шанс — педиатрический институт. В холле никого. Где-то в конце коридора послышались звуки. Дед метнулся туда. Уборщица. «Здесь профессор Абесгауз?» — «Вроде был. Не заметила: ушел али тута. Пальто — на вешалке... Вот он!»

Дед бросился к усталому старичку: «Перед вами стоит на коленях вся семья: помогите, спасите внука. Примите решение. Врачи боятся, не знают, что делать. Мы вас отвезем в роддом, посоветуйте что-нибудь!»

«Знаете, у меня уже нет сил, сегодня был трудный день, и у меня еще консультация вечером», — начал профессор. «Мне кажется, мы с вами где-то встречались», — дед решил, что знакомое лицо — это спасительная соломинка. «И мне... А-а! Вспомнил. Мы с вами играли в преферанс в круизе по Волге. Ваша дочка еще у меня выиграла». — «Гримаса судьбы как раз в том, что именно она сейчас в роддоме». — «Да! Поразительное совпадение! Мы ей остались должны недоигранную партию. Придется поехать. Посмотрим, что там с вашим внуком».

Абесгауз меня осмотрел и велел срочно делать полное переливание. На следующий день я по-прежнему не оживал. Тогда профессор велел сделать второе переливание. В общем, я выкарабкался. И побежали стрелки на моем историческом циферблате.

Семен Аркадьевич глотнул из кружки. Игорь Валентинович с интересом слушал, не отводя глаз от рассказчика. Юлий Борисович тяжело засопел носом. Лицо Александра выражало то восторг, то скепсис. Продолжить или лучше закруглить рассказ? Семен Аркадьевич не смог остановиться:

— Через пятьдесят лет после тех событий я решил повторить тот исторический маршрут по Волге с мамой. И вот идем мы мимо Плеса, и мама рассказывает мне эту давнюю историю. Закончила она так: «Ты не забывай этот город, посети его как-нибудь. Здесь я выиграла в карты твою жизнь. Позже мы с твоим папой хотели завести тебе сестренку, но опять случилась несовместимость крови, и она не выжила. Деда уже не было — никто не смог помочь».

Семен Аркадьевич сделал паузу, а потом добавил с грустной улыбкой:

— Мне повезло, а сестренке — нет. Почему так происходит в жизни? Тогда я понял, почему родители меня отправили в шахматную секцию. Чтобы я научился рассчитывать хотя бы на два хода вперед, и не уповал на везение. В карты — это я уже сам, без них. С тех пор, когда вижу светленькую девочку, думаю: моя сестра могла быть такой же симпатичной. Собственно, это все. А мы теперь с вами расписываем пульку, проплывая Плес. История циклична!

Семен Аркадьевич посмотрел на недопитое пиво. Его компаньоны уже давно сидели с пустыми кружками. Юлий Борисович не только сопел, но и нервно двигал нижней челюстью.

— Поразительная история! А ваш дед тогда долечил инфаркт? — на Александра рассказ Семена Аркадьевича явно произвел впечатление.

— Тогда для него все закончилось хорошо. Но через десять лет он умер от другого инфаркта.

— Да, вашему деду везло. Это удивительное свойство. Как мне хочется научиться выигрывать. Но надо изучать законы жизни и их применять.

— Да, так, Саша. Но история интересная. Очень сюжетная. Такая иллюстрация на тему «набор случайностей с хорошим исходом», — Игорь Валентинович окончательно растянул свой спортивный костюм.

— Но вот дед Семена Аркадьевича... Такое впечатление, что рассчитывал на выигрыш всегда, — Александр все не мог успокоиться. — Кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает...

Юлий Борисович откашлялся и встал было, чтобы уйти, но, подумав секунду, опустился обратно в кресло.

— Не возражаете, если я кое-что дополню к докладу Семена. Боковую ветвь, так сказать.

Собеседники переглянулись: мурлыкающий баритон Юлия Борисовича сменился злым шипением, брови сошлись над переносицей, как будто он опять взял неудачный прикуп. Теплоход продолжал путь, вид за бортом не менялся: гаражи для лодок, рыбаки по пояс в воде, терпеливо ждущие, когда дернется поплавок.

— Так что ты, Борисыч, хотел добавить? Судя по выражению лица, нечто важное? — Семен Аркадьевич, сам того не желая, поджег фитиль. — Не про случай ли в Одессе с комбинацией в три рубля?

— Хм. Не всегда, значит, у тебя, Семен, был на улице праздник. Ай, печально! — голо Юлия Борисовича сорвался.

Его лысина густо покрылось потом, ноздри расширились. Он придвинул кресло вплотную к Семену Аркадьевичу.

— Вот ты выжил, а твоя сестра — нет. Хорошо-о! Дед по больничкам мотался и приказал долго жить. На очередном инфаркте. И это справедливо! Не все же счастье мира должно достаться одной семье? Так? Та-ак!

— Кто тебя укусил, Юлий? — Семен Аркадьевич чуть откатил свое кресло назад.

Он смутно понимал, что сам выпустил джина, но все еще пытался выдержать примирительный тон.

— Что случилось с нашим императором? Юлий Борисович, вы же выиграли у нас много денег, должны быть довольны, — Александр, испугавшийся начинающейся ссоры, тоже попытался разрядить атмосферу.

— Молчи, сморчок! Вот когда купишь «Мазератти», получишь право голоса, — рявкнул Юлий Борисович, даже не взглянув на младшего партнера, и снова обратился к Семену Аркадьевичу. — Профессор Абесгауз — известная в нашем городе личность. Он лечил детей и в нашей семье. У меня был брат. Любимый старший брат. Надежда родителей, светлый ребенок. Скончался от менингита. Ай, какое несчастье! Почему ты не плачешь по нему, Семен? А? Почему? Мне доподлинно известно, что Абесгауз поехал к другому пациенту и опоздал к нам. Как раз пятьдесят с лишним лет назад. Не был ли новорожденный Семен этим «другим» пациентом? На интуиции, говоришь, судьбу строишь? Ну-ну! А может, просто ворует у других жизни кусками? Не задумывался об этом? Или нет, не ворует — перекупаешь. Небось, твой дед заплатил Абесгаузу. Дал просто в лапу побольше, чем мой отец. А?!

— Спятил, что ли?!

Вот тебе и «речной круиз — лучший лекарь»! Вернул, называется, гармонию в душе. Семену сдавило грудь. Тяготило, что он сам виноват — не прислушался к внутреннему голосу, пытавшемуся уберечь от опасности.

— Тогда не было принято покупать докторов. Я сочувствую горю твоей семьи, Юлий. Но почему ты так, без доказательств, связал два этих случая? — вмешался Игорь Валентинович.

— А потому, что уверен! Такие, как он, всегда влезают в чужую душу. Ерничают, когда их не просят. Понимаешь ли, мой случай в Одессе ему показался мелочным, а сам я для него — плебей, шулер!

Юлий Борисович округлился, стал похож на ежа; сглотнув слюну, он продолжил на высоких тонах:

— Нам тогда полагалась четырехкомнатная квартира от города. А после смерти брата дали только трешку. И жизнь пошла юзом. Отец стал попивать. Мать состарилась раньше времени. Все из-за твоего деда! Я уверен в этом!

— Про шулера я не говорил! Обиделся за одесский случай? — Семен Аркадьевич слегка сгруппировался после нокдауна, подключил сарказм как щит. — Извини. Не учел твоей тонкой натуры. Ее не сразу разглядишь в толстом тельце. Но как?!

— Что — «как»?!

— После смерти брата как ты смог накопить на еще одну комнату? Все-таки в карты тебе везет!

— Тю-тю-тю. Умеете вы, старички, крутануть разговор, — вырвалось у Александра. — Тут уже шизофренией пахнет...

Юлий Борисович дернулся, побагровел, достал из кармана портмоне.

— Не исключено, что дед Семена косвенно виноват в смерти твоего брата. Но все-таки, Юлий, сбросим градус. Подумай логически. Никто этого не знает и никогда не узнает доподлинно, — Игорь Валентинович машинально застегнул молнию на костюме. — Так что, юный Саша, если послушать старших, получается, что все дело в отношении к риску. Кому-то везет. Возможно, за счет других невезунчиков. А потом — наоборот. Вот наш Гай Юлий Цезарь рискнул — и выиграл у нас в пульку, а в другой раз мы бы не совершили тактическую ошибку — и устроили ему паровоз. Сегодня повезло ему...

Александр посмотрел на Игоря Валентиновича с надеждой: может, хоть кто-то остался вне скандала? Произошедшее потрясло его. ореол мудрости старшего поколения рухнул. На что опереться?

Семен Аркадьевич отодвинул пивную кружку, сощурился, глядя в переносицу визави, забарабанил пальцами по столу. Юлий Борисович отсчитал трясущимися пальцами сегодняшний выигрыш и швырнул деньги в лицо обидчику. Опрокинув кресло, он вскочил и выбежал из бара. Семен Аркадьевич медленно отсалютовал и тоже поднялся из-за стола.

— Но лично я против такого вывода! — продолжил философски Игорь Валентинович, как будто ничего не произошло. — Каждый сам строит свою судьбу. Если чего-то не достиг, так это из-за собственных просчетов или лени. От лени! Вот главный бич русского человека. Запомните, Саша.

— А я не ленился никогда. А разве в преферансе можно быть шулером? Там же все ходы просчитываются? — Александр, не получив ответ,

разочарованно выдохнул. — На этом, как я понимаю, наше общение закончено. А я мечтал продолжить и после круиза...

В бар заглянули мальчишки, старые знакомые с палубы. Боязливо оглядываясь на посетителей, шустро собрали с пола купюры, брошенные Юлием Борисовичем, и пошли заказывать молочные коктейли. Никто не сделал им замечания.

— Маленькие шакалята. Всегда на стреме.

— Видишь ли, Саша, в психологии есть понятие туннеля. — Игорю Валентинович чуть повысил голос, чтобы услышал Семен Аркадьевич. — Наш Цезарь всей душой окунулся душой в преферанс, а выйти из эйфории от выигрыша не успел, Семен своим рассказом задел его болезненные воспоминания. И бедный Юлий, не перестроившись, «свалился в туннель». Он воспринял историю не разумом, а телом — случился фальстарт.

Семен Аркадьевич уже направлялся к двери. Хотелось глотнуть речевого воздуха.

— А мне показалось, что Юлий Борисович как будто вспомнил про давнишний крупный проигрыш, огорчился и понес чушь, — предположил Александр.

— Может быть, Саша, ты и прав. Юлий думал, что он сегодня нас облапошил, а ему напомнили, что все наоборот — полвека назад его обыграли по-крупному, — Игорь Валентинович взглянул на младшего партнера. — Для обоих реальность не совпала с ожиданиями. Я с Семеном вчера разговаривал. У него дома ссора. Нужна поддержка. Рассказав нам свою историю, он рассчитывал на сочувствие, а получил... То, что мы наблюдали.

Дождь прекратился. Палуба подсохла. «Этот дурацкий скандал чему-то учит. Что вчера говорил Игорь? — Семен Аркадьевич ходил вдоль борта, продолжая самоанализ. — Люди принимают конфликт как данность, отрицают возможность, когда «все в выигрыше», и ищут компромисс. А их прошлые психологические травмы блокируют разум и загоняют их в туннель. Это могло касаться и Сони...»

Семен Аркадьевич спустился на нижнюю палубу. Он вспомнил рассказ Сони о том, как ее первый жених не явился на свадьбу. Еще тогда ему следовало понять, какую тяжелую травму она перенесла, и почему она держала дистанцию в отношениях со всеми, и с ним в частности. Стоит ей почувствовать угрозу — включается режим «туннеля». Он вспомнил: однажды Соня намекнула, что хочет от него ребенка, а он отмолчался, не ответил. Наконец-то все встало на свои места.

На шлюпочной палубе сидела светловолосая девочка с альбомчиком на коленях и смотрела на реку. Рядом лежала палитра с акварельными красками.

— Как тебя зовут? — спросил Семен Аркадьевич.

— Оля.

— Чего не рисуешь?

— Я уже закончила. Мама сказала нарисовать вагончики. Вот, — девочка показала картинку.

— Почему они такие маленькие? И кто их тащит? Где паровоз?

— Мама ничего не говорила про паровоз.

— А папа?

— А папа от нас ушел, — Оля погрузстнела.

— Давай я тебе дорисую.

Семен Аркадьевич взял альбом из рук девочки и нарисовал паровоз, выпускающий густой черный дым из трубы.

— А сейчас разве паровозы ездят?

— Ездят. Их много. Ты им говоришь: «Постой, паровоз», а они не слушаются, — улыбнулся Семен Аркадьевич. — И бегут по рельсам, пока не столкнутся друг с другом...

— А разве их нельзя остановить? — девочка испуганно посмотрела на взрослого. — Ой, мама! Мама идет!

Семен Аркадьевич поднял глаза и увидел приближающуюся женщину — ту самую, миниатюрную, с книгой под мышкой.

— Вот, дядя нарисовал мне паровоз.

— Прекрасно. Светлана! — представилась женщина.

Она улыбнулась и протянула ему руку.

— Семен.

— Спасибо, что играете с дочкой. Вы, я видела, все время заняты картами...

Семен Аркадьевич подумал: еще пару часов назад он хотел, но стеснялся завязать курортный роман, — и вот уже с ним знакомится симпатичная разведенная женщина...

Теплоход издал громкий свист, оборвав его мысли, и сбавил ход. Радостный импульс пробежал по телу. Семен Аркадьевич быстро пририсовал рядом с паровозом вокзал и отдал альбом Оле.

— Жаль, что я потратил время на бездарный преферанс, и мы не познакомились раньше. Светлана, я бы с удовольствием еще поиграл с вашей дочкой, но мой круиз завершен.

Теплоход пришвартовался к пристани. Семен Аркадьевич быстро собрал чемодан и сошел на берег. Он отправил эсэмэску Соне: «Прости, выезжаю ближайшим, как глупо все получилось, давай представим, что нам по двадцать пять», — и направился на железнодорожную станцию.